

Все дальше, дальше. Нет конца дороге.
Стучу клюкой на гробовом пороге,
Но места нет мне и в земле сырой,
И обращаюсь я к тебе с мольбой:
«Благая мать! Зачем ко мне ты строже,
Чем к остальным? Иссохли кости, кожа,
И кровь моя давно уж холодна.
Я в этой жизни испытал сполна
Все то, что испытать нам можно в мире.
Когда же плоть моя почует в мире?
Внемли же, смерть! Я радостно б сменил
Тот гроб, что в келий своей хранил,
На твой покров, на саван погребальный!»
Но нет ответа на призыв печальный;
И вот брожу я, бледный и худой.
Тебе ж скажу, безумец молодой,
Что старика негоже бы корить вам,
Пока ничем он не мешает жить вам.
Слова Писанья в память ты вруби:
«Седому место, юный, уступи».
Не хочешь в старости хлебнуть худого -
Обидного не обращай ты слова
К тому, кто старостью обременен.
Так вот, – свои слова закончил он, -
Вам добрый путь, а я своей дорогой
Вновь побреду, отверженец убогий».
«Постой, старик, – тут закричал второй, -
Я, кажется, разделаюсь с тобой.
Кто мать твоя? Кого ты звал уныло?
То не она ль друзей моих сгубила?
Не отпирайся, старый негодяй.
Скажи, где смерть сыскать. Но так и знай,
Убийца юношей, злой соглядатай,
За ложь жестокой ожидай расплаты».
«Ну, если смерть не терпится вам встретить,
Тогда смогу, пожалуй, вам ответить.
И если вы действительно не робки,
Смерть повстречаете на этой тропке.
Лежит она под деревом в кустах,
И на нее нагнать не могут страх
Угрозы ваши. А теперь прощайте
И всуе господа не поминайте».
И охватила радость тут повес.
Бегом они пустились через лес
И вот под деревом в кустах нашли
Не смерть, а золото. Со всей земли
Монеты звонкие, эю и кроны,
Флорины, франки, шиллинги, дублоны -
Всего червонцев звонких восемь мер.
Тотчас забыв, что собирались смерть
Сыскать, они у золота присели
Да так над кучей и окаменели.
Потом сказал негоднейший из них:
